

А ТЕПЕРЬ ОТКРОЙ ГЛАЗА!

Врач-офтальмолог, профессор Эдуард Сергеевич АВЕТИСОВ: «Ученый — всегда личность. К сожалению, эта аксиома предавалась забвению долгие годы».

МАЛЕНЬКАЯ девочка с густой черной челкой и такими же жгучими темными глазами сидела на коленях красивой тонкой грузинки. Женщина словно застыла, устремив в одну точку взгляд, не видя и не слыша никого вокруг. В душном коридоре отделения Института глазных болезней им. Гельмгольца, совсем не приспособленном для ожидания, ходили, сидели, стояли взрослые и дети с одинаковым выражением глаз — боли и надежды. Маленькая девочка с густой челкой родилась крепкой и здоровенькой, но вдруг зрение начало резко падать... Бросив все, мать с дочкой приехали из Тбилиси в Москву...

— **ЭДУАРД** Сергеевич, в очереди на прием представлены, по-моему, все республики и города страны. Что это, недоверие к местным медикам или неспособность врачей помочь?

— У девочки, о которой шла речь, — врожденная прогрессирующая близорукость. Это достаточно грозное заболевание, потому что результатом его может быть почти полная слепота. Эта болезнь — серьезная проблема офтальмологии, и, возможно, не в каждом городе есть специалисты, могущие оказать квалифицированную помощь. А с другой стороны, такова психология — в столице помогут, в столице спасут. Но и на периферии есть прекрасные врачи! В Волгограде я знаю великолепного доктора Водовозова — умница, тончайший хирург, сумел создать очень сильную клинику. Была такая клиника в Красноярске, ее возглавлял совершенно уникальный человек — Павел Гаврилович Макаров. К сожалению, говорю об этом в прошедшем времени, потому что с уходом Макарова из жизни стало затухать дело, которому он себя посвятил.

— **Значит, вы верите, что есть незаменимые?**

— Абсолютно убежден! Во главе любого дела, а особенно это касается науки, должна стоять незаурядная личность, могущая повести за собой, способная генерировать идеи и умеющая воплотить их в жизнь. К сожалению, и сейчас иногда приходится доказывать эту столь очевидную истину!

— **Так как же Манана — пятилетняя девочка из Тбилиси? Ее ждет слепота?**

— Конечно, нет. Говорю это с уверенностью, потому что много лет бьемся мы над этой проблемой. Лет 8—9 назад в нашем институте был разработан ИСУ — сокращенное название от слов «инъекция склероукрепляющая». Не хочу вдаваться в профессиональные подробности, но поясню, что при этой процедуре за глазное яблоко специальной изогнутой иглой вводится особая жидкость. Когда она застывает, укрепляется задняя стенка глаза, и это останавливает прогрессию близорукости. Понятно я объяснил?

МНЕ БЫЛО понятно. Дождавшись в один из дней Эдуарда Сергеевича в его крохотной, как скворечник, приемной, я познакомилась с профессором Борисом Израйлевичем Вайнштейном. Он на несколько дней приехал из Баку и тоже ждал профессора Аветисова. Борис Израйлевич — в прошлом военный хирург, офтальмолог, сейчас возглавляет глазную клинику в Азербайджане. Узнав, что я собираюсь писать об Аветисове, Борис Израйлевич оживился: «Вы знаете, что такое ИСУ?» Я не знала. Профессор изумленно всплеснул руками и принялся рассказывать. До изобретения ИСУ остановить близорукость можно было лишь операцией, отработанной, впрочем, советскими офтальмологами до блеска. Но любая операция, как бы блестяще она ни была проведена, всегда таит в себе опасность осложнений. ИСУ хорош хотя бы тем, что безвреден. Борис Израйлевич сам применил ИСУ в своей клинике, результаты превзошли все ожидания, и сейчас профессор приехал в Москву передать коллеге свою благодарность и уточнить некоторые профессиональные подробности. Вот что стоит за скромной фразой Эдуарда Сергеевича «в нашем институте был разработан...»

— **ПРОСТИТЕ** вопрос дилетанта: как совершаются открытия?

— Надо много знать и много думать. — Не слишком ли легкая формула?

— Я другой не знаю. Собственно, ИСУ появился как? В одном из хирургических журналов я прочел о новом веществе, которое Минздрав широко рекомендовал для использования в хирургии. Подумал: а почему бы не попробовать? Первые же опыты на животных показали нам, что введенная жидкость не просто застывает, а еще и утолщает заднюю стенку глаза. Стали над этим работать. Но это уже вчерашний день, сейчас мы снова в поиске.

— **Вы упоминали хирургический журнал... Значит ли это, что врач должен быть широко образованным человеком? А то ведь лет пять-шесть назад в медицине шла повальная узкая специализация.**

— Безусловно, любой специалист должен иметь широчайший медицинский кругозор. Без этого медицина как наука просто будет стоять на месте. Кстати, завтра на ученом совете я делаю доклад о значении фундаментальных наук в развитии офтальмологии. Я и своим сотрудникам говорю постоянно о том, что узкая специализация бесконечно обедняет врача. Да, наверное, и любого человека.

— **Тогда почему вы выбрали офтальмологию, а не, допустим, терапию — область несравненно более широкую?**

— Ну это дело случая. Видите ли, в моей жизни многое определили люди, которые встречались со мной на пути. Я не только офтальмологом, но и врачом стал довольно случайно.

А сначала, еще до войны, окончив школу, я приехал в Москву, поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта. Началась война, и меня забрали в армию — так я стал курсантом летной школы. Но, увы, приняв настоящий бой так и не довелось. Пока нас обучали вождению разных видов самолетов, война ушла далеко на Запад. Мы писали рапорты, просились на фронт, доходило просто до скандалов. Начальник школы собрал тогда нас всех и сказал: «Война идет к концу, вы молодые парни — хотим сохранить вас для мирной жизни, раз уж сейчас нет в вас острой необходимости». В общем, так я и не воевал. Это, кстати, мучает меня до сих пор, погиб почти весь мой класс выпускника 1939 года... «Я знаю, никакая моя вина...» — писал Твардовский. «...Но все же, все же, все же» — боль эта непреходящая.

А когда вернулся домой в Самарканд, ехать учиться в Москву снова не захотел. Вообще думал пойти работать. Родители настаивали — нет, учись. А тут с фронта пришел муж моей сестры, военный хирург. Вот, наверное, под обаянием его личности, его рассказов о своей бесконечно любимой работе я и выбрал медицинский.

Шел октябрь, студенты уже учились, когда я пришел к директору института с просьбой меня принять. Он удивился: осталось два месяца до сессии, что ты будешь делать? Я ответил: примите условно, если не сдам сессию — отчислите.

Это были прекраснейшие месяцы в моей жизни! Я учился с упоением, день и ночь сидел за книгами, не сдать экзамен или получить тройку — это просто не укладывалось у меня в голове. Мои знания — это будущее здоровье людей, и это не красивые слова, я в это свято верил!

Так вот, офтальмологию у нас читал профессор Гафар Гейдарович Абдуллаев — энциклопедически образованный человек, умница! Лекции читал тихим тихим голосом, а в аудитории стояла безукоризненная тишина. Он так увлек меня своим делом, что у меня вроде и выбора-то особого не было...

— **И сразу после института вы занялись наукой?**

— Да. Только не офтальмологией, а историей КПСС.

— ?!

— Я остался в Самарканде, в клинической больнице, как вдруг меня вызывают в обком партии, в отдел пропаганды и совершенно неожиданно предлагают стать ассистентом кафедры истории КПСС в моем же институте. Когда-то на 3-м курсе моя работа по философии победила на студенческом конкурсе, видимо, учитывали и мой опыт работы секретарем комитета ВЛКСМ. Я категорически отказался, но надо признать, что тот товарищ из обкома умел убеждать. Он, помню, спросил: а разве вам не интересно изучать, например, философские корни учения Павлова? Меня этот довод прямо заигнотизировал. Я согласился. Через год, правда, когда появилась возможность уехать главврачом районной больницы в Ката-Курган, с радостью согласился. Конечно, год не прошел зря, но все-таки это было ошибкой.

Там, в Ката-Кургане, удалось создать

глазное отделение, начал оперировать катаракту, а главное — сложился очень славный коллектив преданных делу, профессионально хорошо подготовленных людей.

— **Про что бы вы ни говорили, как я заметила, везде в вашем рассказе фигурируют отменно хорошие люди. Вы действительно такой счастливчик?**

— Да, мне очень везло на хороших людей! Память что ли так устроена — отсекает все плохое. Но ведь, конечно, разные встречались люди. В начале 50-х годов мой учитель ректор института Рауф Абдуллаевич Абдуллаев был осужден. В вину ему ставилось, что он незаконно платил за ремонт микроскопов. Дали ему два года условно, лишили званий и должности. Пришли нового ректора. Помню, зав. кафедрой истории КПСС, где я тогда работал, прочитал его биографию и говорит: «Какой хороший человек!»

Тогда вот, с появлением Адлюва на всех кафедрах стали работать его родственники. Я как секретарь партбюро пришел к нему, сказал, что считаю его поведение неправильным. Он очень пручественно мне ответил, что понял, улетит. И началось нечто странное. Меня без конца вызывали в обком, предъявляли странные обвинения, что я, мол, теряю политическую бдительность, наконец на бюро обкома объявили выговор... Трудное было время, тогда-то я и уехал из Самарканды.

— **А ЧТО САМОЕ сложное в вашей работе сейчас?**

— Самое трудное в любом научном подразделении — определить направление поиска. Мне, например, непонятно, как можно выбрать тему, которая интересует только одного человека — руководителя и тем более вряд ли продвинет вперед науку. Направление, в котором движется коллектив ученых-единомышленников, должно не только давать немедленные результаты, но и много обещать в перспективе. Это трудно.

Меня беспокоят научные кадры. Очень долго мы сознательно или нет девальвировали понятие научного сотрудника, и сейчас это чуть ли не карикатурная должность. Все подразделения в нашем институте возглавляют очень опытные ученые, талантливые врачи, высочайшие профессионалы. Но все они примерно одного возраста. Мы уйдем, а кто останется, к кому перейдет наше дело? Если мы немедленно не начнем поднимать авторитет научного сотрудника и морально, и материально, наша наука затормозится на долгие годы.

МЫ ТОЛЬКО что вернулись из операционной. Вообще-то это громко сказано — операционная. Маленькая комнатка, крохотная предоперационная и палата, где четыре койки стоят вплоты. Тесноту эту врачи как будто не замечают, неудобства явные переносят легко, с юмором. Эдуард Сергеевич еще и хвастается: «Зато теперь у нас большие проводятся не три дня после операции, а один — знаете, как это увеличивает количество операций!»

Я и раньше бывала в операционной не раз. Но все же операция на детских глазах дело совсем особое. Тоненькими-тоненькими приборами открывается неподвижный под наркозом глаз, разрезается тончайшим скальпелем оболочка, подтягивается малюсенькая мышца... Девочке 4 года, косоглазие. А завтра она откроет глаза — а они замечательно правильные. Разве это не чудо?

— **Эдуард Сергеевич, вы оперируете почти каждый день. Это потребление или боязнь потерять форму?**

— А что такое врач без практики, хирург без операций? Пока могу держать скальпель, буду оперировать, почувствую усталость — уйду незамедлительно.

— **Близорукость вы тоже оперируете?**

— Сейчас мы стараемся обходиться ИСУ, если имеем дело с прогрессирующей близорукостью. А обычная, небольшая потеря зрения — это оптический дефект глаза, в общем-то не приносящий никаких неудобств, кроме ношения очков. Сейчас ее легко оперируют, правда, мое мнение по этому поводу очень сдержанное. Близорукость — это массовый дефект, а операция по сути своей массовой быть не может.

— **Какая глазная болезнь представляет сейчас наиболее трудное лечение?**

— Глаукома. Это очень тяжелое заболевание глаз, и мы пока лишь нащупываем подходы к ее лечению. Хотя лет 8—9 назад на одном крупном совещании говорилось о том, что мы заметно продвину-

лись в лечении глаукомы. Увы, эти прогнозы были преждевременны.

— **Жахетя, именно эта болезнь у Леонарда Пелтиера — известного борца за права индейцев в США, которого вы когда-то оперировали в прошлом году?**

— Нет, у него тромбоз центральной вены сетчатки, вызванный, очевидно, сильными стрессовыми ситуациями. Кстати наш диагноз полностью совпал с точкой зрения американских коллег.

— **Расскажите, пожалуйста, об этой поездке подробнее. Все-таки это был такой необычный визит!**

— Когда в печати появились сообщения о серьезном заболевании глаза Леонарда Пелтиера, Всесоюзное общество офтальмологов направило письмо в конгресс США с просьбой разрешить Пелтиеру поездку в нашу страну для лечения. Естественно, нам было отказано. Вскоре в СССР приехал спикер палаты представителей Райт, и мы, буквально поймав его в гостинице, изложили свою просьбу. Он и еще один конгрессмен — Хойер, председатель комиссии по безопасности в Европе, приложили много сил, чтобы советские специалисты могли посетить больного в тюрьме. При этом подчеркивалось именно забота американцев о правах человека в США. Хотя позже они потребовали платы за этот визит — в Вашингтоне нам ясно дали понять, что было бы желательно, если бы американские врачи посетили наших заключенных.

Кстати, вопрос о правах человека в СССР задавали на всех практически пресс-конференциях, мы отвечали честно: да, нарушения прав человека имеют место, но именно на искоренение этих нарушений и направлена сегодняшняя политика партии.

— **Из ваших слов можно заключить, что это был не только профессиональный, но и политический визит?**

— Да, безусловно. Хотя мы подчеркивали, что это частная, узкопрофессиональная поездка. Однако она широко освещалась в прессе, по телевидению, не было дня, чтобы я и мой коллега Лев Абрамович Качельсон не отвечали на вопрос о нашей стране, о перестройке, об изменениях в жизни советских людей.

— **Теперь несколько слов о вашем пациенте.**

Леонард Пелтиер — человек необыкновенного мужества, интеллекта, очень образован. Он сочиняет стихи, рисует, пишет острые публицистические очерки. Мы просили разрешить нам поговорить с Пелтиером не только на медицинские темы, однако нам было отказано. В тюрьме нас встретили очень любезно, провели в прекрасно оборудованный глазной кабинет. Здесь в присутствии трех американских врачей-офтальмологов мы познакомимся с Пелтиером. Главное, что беспокоит его, не повлияет ли очень низкое зрение одного глаза на другой глаз, здоровый. Пока таких опасений нет.

В Канзас-Сити расположена штаб-квартира комитета в защиту Пелтиера, там нас очень тепло приняли, подарили картины самого Леонарда. Канзас-Сити — это ведь закрытый для туристов город, и мы оказались первыми русскими, которые посетили его. Поэтому еще интерес к нам был огромный.

— **ЭДУАРД Сергеевич, есть ли у вас свободное время?**

— От чего свободное? От работы? Но если я не в клинике, то голова-то все равно занята работой... Очень люблю возиться со своим внуком Костиком, мы с ним большие друзья. Вообще люблю субботу, когда дома собирается вся семья.

— **У вас в семье одни медики?**

— Да. Жена — терапевт. Старший сын Валерий работает в нашем институте, он кандидат наук. Сергей, хотя и младший, уже защитил докторскую, работает во ВНИИ офтальмологии. К вопросу о свободном времени: у меня его практически никогда не было, поэтому у непростительного мало занимался сыновьями. Но рад, что они стали медиками и выбрали офтальмологию не без моего невольного влияния.

— **Вам приходилось им помогать?**

— Словом, советом — да. Делом — практически никогда. Во-первых, мне было некогда, а во-вторых, боюсь, это бы им только помешало.

— **Что вы цените в людях?**

— Доброту.

ЕГО КАБИНЕТ уже давно превратился в маленький музей. Чего здесь только нет! Фигурки из сандалового дерева — подарок из Индии, датский корабль, флажки с французской символикой, грамоты и почетные дипломы крупнейших медицинских академий мира. А над столом, на самом почетном месте, — индийский пейзаж Леонарда Пелтиера.

Ольга БЕЛАН.

Фото Александра АСТАФЬЕВА.